

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 93/94

DOI: 10.17223/19988613/48/20

А.Ю. Перетяtko

«МЫ НЕНАВИДИМ ВСЕЮ СИЛОЮ НАШЕГО СЕРДЦА РАБСКИЙ ПРОИЗВОЛ, КОТОРЫЙ ЦАРСТВОВАЛ ВО ВСЕХ ЧАСТЯХ ВАШЕГО УПРАВЛЕНИЯ»: О ПРИЧИНАХ НЕПОПУЛЯРНОСТИ АТАМАНА М.И. ЧЕРТКОВА НА ДОНУ

Статья посвящена М.И. Черткову, донскому атаману второй половины XIX в., крайне непопулярному среди казаков. Молодой генерал, сделавший впоследствии блестящую карьеру, на Дону стал мишенью для слухов и анонимных писем. Ни реформы, ни улучшение положения местной элиты не принесли ему популярности. Показано, что причины этого заключались в особенностях характера и личной жизни атамана. Специфическое происхождение и поведение жены М.И. Черткова сделали ее ненавистной для всего донского общества. На основании анализа архивных материалов и свидетельств современников автор показывает, что донские жители позиционировали П.Х. Граббе в качестве идеала и примера для других атаманов. Сделан вывод о том, что личные качества донских атаманов оказывали важнейшее влияние на отношение к ним местного общества, порой даже большее, чем проводимая ими политика.

Ключевые слова: М.И. Чертков; П.Х. Граббе; Область Войска Донского; донской атаман; общественное мнение.

Введение. Личности донских атаманов второй половины XIX в. до сих пор почти не привлекали внимания исследователей. Только один из них, Н.И. Святополк-Мирский, удостоился отдельной статьи в современной историографии [1]. Можно отметить также недавнюю попытку А.А. Волвенко последовательно рассмотреть деятельность донских атаманов этого периода как «главных проводников правительственной политики на Дону» [2. С. 111–120]. Данное определение представляется нам весьма показательным. И А.А. Волвенко, и Р.Г. Тикиджян рассматривали атаманов именно как исполнителей определенной функции, а не живых людей, чьи симпатии, антипатии, привычки и поступки в частной жизни могли иметь не меньшее значение для истории, чем официальные распоряжения.

Альтернативный подход был предложен санкт-петербургским историком Б.С. Корниенко в работе, посвященной донскому атаману начала XX в. Ф.Ф. Таубе. Современный ученый подверг анализу не только служебную деятельность атамана, но и его образ в глазах современников, выявив причины, сделавшие немца по происхождению, пробывшего на Дону менее двух лет, «иконкой для местных националистов» [3. С. 74]. До Б.С. Корниенко проблематика взаимодействия донских казаков и атаманов-«чужаков», назначавшихся на Дон после 1848 г. из генералов невоинского происхождения, не подвергалась специальному исследованию. Между тем, как мы покажем ниже, эффективность управления краем в значительной степени зависела от отношения как большинства населения, так и местной элиты к атаману, а это отношение, в свою очередь, могло основываться на личных качествах последнего.

Наша статья посвящена М.И. Черткову (1829–1905), возможно, самому ненавидимому донскому атаману второй половины XIX в. Все свое пребывание на Дону атаман был целью для ругательных писем, во многом и заставивших его принять решение об уходе с должности [4. С. 55]. Цитату из подобного письма мы вынесли в название статьи [5. Ф. 55. Оп. 1. Д. 321. Л. 1 об.]. Но ведь именно при М.И. Черткове был проведен ряд важнейших реформ, в том числе и серьезно улучшивших положение местной элиты (например, срочные участки донских офицеров и чиновников были переданы в их полную собственность [6. С. 111]). Почему же именно этот атаман стал так нетерпим для казаков? Почему он снискал у них такую дурную славу? И каким, по мнению жителей Дона, должен был быть идеальный правитель края?

Материалы и методы. Деятельность М.И. Черткова на Дону нашла отражение в целом ряде мемуарных и полумемуарных работ современников. В первую очередь следует выделить книгу В.Д. Новицкого «Воспоминания жандарма», поскольку ее автор был чиновником для особых поручений при атамане и принадлежал к его ближайшему окружению [4]. Он посвятил целую главу личности своего покровителя, с одной стороны, попытавшись объяснить многие его неоднозначные поступки, а с другой – не впадая в идеализацию правителя края. Тот портрет атамана, который создал В.Д. Новицкий, подтверждается, а где-то и дополняется классической для донской историографии статьей А.А. Карасева «Донские атаманы за последние полвека» [6. С. 110–112]. Наконец, тема взаимоотношений М.И. Черткова и донских артиллеристов достаточно серьезно разрабатывалась Б.М. Калининым [7. С. 200–211].

О М.И. Черткове писали и люди, без преувеличения относящиеся к важнейшим фигурам российской истории. Несколько абзацев посвятил ему в своих воспоминаниях С.Ю. Витте [8. С. 113–114], упоминания о генерале встречаются на страницах дневника П.А. Валуева [9, 10]. С нашей точки зрения, особый интерес представляет та оценка, которую дают донскому атаману как администратору эти выдающиеся государственные деятели.

Однако воспоминания современников, как мы покажем ниже, не всегда были объективны к М.И. Черткову. Его реальную роль в подготовке тех или иных реформ можно точно установить только обратившись к фондам Государственного архива Ростовской области и Российского государственного военно-исторического архива. С другой стороны, в фонде донского краеведа Х.И. Попова сохранилось одно из анонимных писем, которыми казаки преследовали семью атамана [5. Ф. 55. Оп. 1. Д. 321].

На основании этих источников, используя историко-биографический метод, мы попытаемся восстановить те особенности личной жизни и политической деятельности М.И. Черткова, которые сделали его столь непопулярным в глазах казаков. Одновременно, применяя историко-сравнительный метод, мы попробуем выявить черты, привлекавшие местное общество в других атаманах.

Обсуждение. Для генерал-адъютанта, генерала от кавалерии, члена Государственного совета, кавалера российских и иностранных орденов Михаила Ивановича Черткова донской эпизод биографии так и остался чем-то малозначительным, не слишком сказавшимся на его дальнейшей блестящей карьере. Как сообщает краткий очерк в «Альманахе современных русских государственных деятелей» конца XIX в., М.И. Чертков уже в 31 год стал воронежским губернатором и в дальнейшем быстро продвигался по военно-чиновничьей лестнице: в 34 – волынский губернатор, в 37 – помощник виленского генерал-губернатора, в 38 – донской атаман, а в 47 – генерал-губернатор в Киеве [11. С. 70–71]. Известный донской краевед второй половины XIX в. А.А. Карасев особо подчеркивал молодость донского атамана на момент его вступления в должность [6. С. 110]. Обратившись к биографическим сведениям о других атаманах, сообщаемым А.А. Волвенко [2. С. 112–120], мы подсчитали, что возраст М.И. Черткова действительно резко отличал его от предшественников и преемников: Н.И. Святополк-Мирскому и А.Л. Потапову в момент вступления в должность было по 47 лет, К.К. Максимовичу – 49, Н.А. Краснокутскому – 55, а П.Х. Граббе – рекордные 73 года!

При этом стремительная карьера молодого генерала едва ли была его личной заслугой. Недоброжелатели прямо связывали его продвижение по службе с «гением родственных связей», при котором не важны «личные дарования» [5. Ф. 55. Оп. 1. Д. 321. Л. 5 об.]. Дело было даже не в богатстве и аристократизме известного воронежского

рода Чертковых: родная сестра донского атамана, Елена Ивановна, была замужем за начальником третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, влиятельным и авторитетным П.А. Шуваловым. По свидетельству В.Д. Новицкого, именно эта связь, а также личная симпатия Александра II к молодому генералу позволяли ему уверенно держаться в атаманском кресле, несмотря на нелюбовь казаков [4. С. 55].

Обратим внимание на ряд любопытных эпизодов, отраженных в дневнике министра внутренних дел Российской империи П.А. Валуева. М.И. Чертков упоминается в нем несколько раз, причем в связи с его губернаторской деятельностью до назначения на Дон. В 1862 г. он характеризуется как «молодой и светский» губернатор», хороший, но неопытный и самодовольный [9. С. 143]. В 1864 г. П.А. Валуев выражается о нем более резко, обвиняя в желании за счет «крайнего направления» (судя по контексту, речь идет об использовании самых жестоких мер против поляков) сделать карьеру и стать киевским генерал-губернатором [Там же. С. 292]. Правда, в 1866 г. министр внутренних дел сам рекомендовал будущего донского атамана для замены генерала А.П. Хрущева в качестве начальника люблинского военного отдела, но это произошло при своеобразных обстоятельствах: по мнению министра, первоначально предложенный для замены князь П.Р. Багратион обладал талантами, ненужными на этой должности, и поэтому рациональнее было бы назначить на нее не имеющего их М.И. Черткова [10. С. 179].

Именно таким образом, благодаря несоответствию другой должности, а не каким-либо заслугам, М.И. Чертков и стал донским атаманом. В 1868 г. подал в отставку виленский генерал-губернатор Э.Т. Баранов, помощником которого он состоял. Судя по дневнику П.А. Валуева, Александр II рассматривал кандидатуру М.И. Черткова на освободившуюся должность, но даже П.А. Шувалов выступил категорически против этого. В итоге произошла рокировка: генерал-губернатором стал донской атаман А.Л. Потапов, а его старую должность, казавшуюся тогда более простой (бывший атаман отзывался о Новочеркасске как о «земном рае»), получил М.И. Чертков [Там же. С. 248].

Впрочем, было бы неверно на основании этих фактов считать нового атамана откровенно плохим или бездарным чиновником. Такой государственный деятель, как С.Ю. Витте, полагал, что в плане способностей М.И. Чертков не уступал «другим ординарным генерал-губернаторам» [8. С. 114]. А.А. Карасев отзывался о нем куда лучше, чем о его преемниках – «недоумевающим в деле экономического развития Донской области» Н.А. Краснокутском и «не признающем необходимости культурного развития Донского казачества» Н.И. Святополк-Мирском [6. С. 112–113]. Но личные таланты М.И. Черткова явно не соответствовали скорости его служебного роста, и к той ситуации, которая сложилась на Дону после его назначения, молодой генерал оказался не готов.

До М.И. Черткова в Донском войске было только три атамана не из казаков. Но М.Г. Хомутов и А.Л. Потапов перед получением атаманских регалий какое-то время были вторыми лицами в войске, первый в качестве начальника войскового штаба [Там же. С. 106–107], а второй вообще в должности наказного атамана при повышенном до войскового атамана П.Х. Граббе [2. С. 113]. М.Г. Хомутов пробыл на Дону 23 года и, по мнению А.А. Карасева, «еще до вступления в атаманскую должность изучил донской край во всех подробностях» [6. С. 106–107]. А.Л. Потапов до назначения на Дон уже был государственным деятелем всероссийского масштаба, хотя и не первого ряда: в 1861–1864 гг. он являлся начальником штаба корпуса жандармов и управляющим третьим отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии [2. С. 115]. Таким образом, один из предшественников М.И. Черткова в плане знаний о донском крае не уступал казакам, а другой, безусловно, превосходил своими способностями «ординарных генерал-губернаторов».

Однако в тех анонимных ругательных письмах, которые ходили по Новочеркаску, в качестве недостижимого для М.И. Черткова образца предлагался третий из его предшественников, не являвшийся казаками, – П.Х. Граббе. В том письме, что хранится в фонде Х.И. Попова, А.Л. Потапов охарактеризован как «деспот», М.Г. Хомутов – как человек, при имени которого «наши уста исторгнут проклятие с призывом к позорному столбу», сам М.И. Чертков объявлен недостойным сравнения даже с этими двумя атаманами, а вот «перед светлою чистою личностью Граббе» авторы анонимки были готовы «стоять с непокрытою головою» [5. Ф. 55. Оп. 1. Д. 321. Л. 1–5]. Интересно отметить, что и в памфлете А.И. Петровского «Опись войсковым, наказным и войсковым наказным атаманам, в разное время в города Черкасск, а затем Новочеркасск для управления Областью войска Донского от высшего начальства поставленным», написанном в начале XX в., из неказачьих атаманов один П.Х. Граббе был удостоен безусловно положительной характеристики. В этом тексте бывший донской атаман позиционировался как личность «исключительного благородства и редкой доброты душевной», а мнение о нем как о слабом правителе объявлялось выдумкой консервативных историков [12. С. 17]. По свидетельству А.И. Петровского, добрая память о П.Х. Граббе жила в станицах еще в начале XX в. [Там же. С. 38]. Таким образом, для значительной части донского общества в качестве своеобразного образцового атамана неказачьего происхождения выступал генерал от кавалерии Павел Христофорович Граббе. Но почему?

Прежде всего, П.Х. Граббе был единственным донским атаманом второй половины XIX в., без преувеличения прославившим себя на военной стезе. Интересно, что такие разные авторы, как А.А. Волвенко, А.А. Карасев и А.И. Петровский использовали для его характеристики оборот «герой войны» [2. С. 112; 6.

С. 108; 12. С. 16]. А.Л. Потапов и М.И. Чертков были, по существу, чиновниками в военных мундирах, Н.А. Краснокутский и Н.И. Святополк-Мирский до назначения на Дон командовали дивизиями, не слишком выделяясь на этом поприще [1; 6. С. 112], в то время как П.Х. Граббе возглавлял все русские войска на Кавказской линии в разгар войны с Шамилем [13. С. 378]. На наш взгляд, он был единственным донским атаманом периода 1848–1917 гг., вписавшим свое имя в российскую военную историю. Хотя этот факт не представляется нам определяющим, он, безусловно, способствовал формированию особой ауры вокруг имени П.Х. Граббе.

Для создания этой ауры были важны и личные качества атамана. Его добродушие, судя по всему, хорошо запомнилось казакам. Нам представляются особенно показательными в этом отношении «Картины бывшего Тихого Дона» П.Н. Краснова, на страницах которых об атаманах XIX в. рассказывается крайне скупое, а главная роль в управлении Донским войском приписывается членам дома Романовых. А.Л. Потапов и М.И. Чертков упоминаются автором без какого-либо описания их деятельности [14. С. 447]. П.Х. Граббе также не удостоивается никакой характеристики как правитель края, зато целый абзац посвящен его любви к детям и вниманию к первой донской частной газете [Там же. С. 444–445]. Суровые к другим атаманам тексты А.А. Карасева и А.И. Петровского превращаются в настоящий панегирик, когда дело доходит до «исключительно благородной» и «чуждой всякой несправедливости» личности П.Х. Граббе [6. С. 108–109; 12. С. 16–17]. А.А. Волвенко делает акцент на других качествах старого генерала: важных для представителя «нарядной наружности» и «пышном красноречии» [2. С. 112]. Наконец, не только сам П.Х. Граббе сумел оставить о себе у казаков такую благодарную память, но и его семья запомнилась «искренней любезностью и простотой обращения» [6. С. 109].

Но, на наш взгляд, ни личные качества, ни боевые заслуги атамана не произвели бы на казаков такого впечатления, если бы не проводимая им политика. Согласно воспоминаниям Д.А. Милютина, П.Х. Граббе был назначен на Дон, чтобы сломить сопротивление так называемой «консервативной казачьей партии», или «казакоманов», выступавших за полное сохранение казачьих привилегий. Сам военный министр видел в старом генерале не только «сильную руку» (по его мнению, несмотря на возраст, П.Х. Граббе был «довольно бодр и телом и духом»), но и боевого товарища [13. С. 376–378]. Между тем, по свидетельству А.А. Карасева, вполне согласующемуся с наблюдениями других авторов, большая часть донской элиты и чуть ли не все рядовые казаки симпатизировали «казакоманским» идеям, идеям о нерушимости важнейших традиций Донского войска [15. С. 570–571]. И, к неудовольствию военного министра, П.Х. Граббе, едва приступив к выполнению своих обязанностей, попал под «очарование» «казакоманов» [13. С. 378–379].

Ситуация, существовавшая на Дону в период атаманства П.Х. Граббе, была уникальна для второй половины XIX в.: атаман не только не был простым исполнителем воли правительства, но и фактически противостоял ей, максимально поддерживая местную казачью оппозицию. Ему даже удалось добиться допуска в специальную комиссию, проектирующую новое положение о Донском войске, депутатов от каждой станицы [16. С. 16]. Как отмечает А.А. Волвенко, благодаря этим действиям разработанный при П.Х. Граббе проект положения отражал позицию консервативного большинства казаков, а не военного министерства, что и предопределило его отклонение центральным правительством [2. С. 113]. Несмотря на эту неудачу, та модель отношений военное министерство–атаман–донское казачество, которая сложилась при П.Х. Граббе, очевидно, в наибольшей степени соответствовала чаяниям местной элиты. Б.С. Корниенко предлагает рассматривать межгрупповое противостояние на Дону в начале XX в. в категориях «свой» (казак)—«чужой» (иногородний) [3. С. 32–33]. На наш взгляд, подобное противостояние было актуально для Дона уже к 1860-м гг. И парадоксальным образом, судя по анонимным письмам, направлявшимся М.И. Черткову, и свидетельствам А.И. Петровского, «своим» для казаков из донских атаманов эпохи Великих реформ удалось стать только неславянину по происхождению П.Х. Граббе, четко позиционировавшему себя в качестве защитника казачьих традиций перед центральной властью.

В этой связи любопытно обратиться к записным книжкам самого П.Х. Граббе. К сожалению, последние годы жизни генерала освещены в них крайне отрывочно. Об управлении Доном не написано ни слова, зато в черновике письма к И.С. и С.С. Аксаковым атаман описал устроенное ему в Новочеркасске в честь служебного юбилея торжество. П.Х. Граббе отмечал, что такие юбилеи часто бывают вежливой формальностью, и особенно подчеркивал теплое и семейное отношение к нему казаков. Частью этого отношения старый атаман считал и предложение «донского гражданства», которое обещал принять, «если будет дозволено» [17. С. 745]. Данный эпизод заслуживает особого внимания. Дело в том, что на момент назначения П.Х. Граббе на Дон традиции принимать атаманов в казаки не существовало. Единственный до него не казачий атаман, М.Г. Хомутов, подобного отличия не получил [6. С. 108]. Таким образом, восприятие казаками старого генерала как «своего» получило практическое воплощение в принятии его в донские казаки, случившемся неожиданно для правительства по инициативе снизу (как ясно из приведенной цитаты, сам оппозиционный атаман не был уверен, что такая самодеятельность будет одобрена). В дальнейшем принятие атамана в казаки стало традицией [Там же. С. 108], и его внутреннее содержание оказалось выхолощено, но в случае с П.Х. Граббе мы, как нам кажется, можем говорить именно о символическом акте.

Популярности П.Х. Граббе не препятствовала, а, возможно, даже способствовала его неспособность справиться с текущими проблемами по управлению краем. По свидетельству В.Д. Новицкого, расхищение войскового имущества при П.Х. Граббе достигло невиданных прежде масштабов. При этом кража войсковой собственности не воспринималась казаками как преступление: она считалась принадлежащей не государству, но «каждому казаку» [4. С. 54]. А.А. Карасев вообще считал, что старый атаман был неспособен к практическому управлению [6. С. 108], что, на наш взгляд, ярко проявилось при проведении крестьянской реформы на Дону [18. Р. 140–141]. Но при этом его личность была выше всяких подозрений: В.Д. Новицкий связывал неспособность остановить рост казнокрадства исключительно с добротой генерала [4. С. 54], а А.А. Карасев подчеркивал, что только П.Х. Граббе из неказачьих атаманов Дона был совершенно чужд использованию должности для достижения личных или семейных интересов [6. С. 108]. Складывалась парадоксальная ситуация: авторитет генерала был настолько высок, его личность настолько уважаема, а доброта настолько известна, что вину за неудачи в управлении краем современники не возлагали лично на П.Х. Граббе.

М.И. Чертков был первым атаманом, назначенным после отбытия П.Х. Граббе с Дона. Возможно, именно в связи с популярностью старого генерала тот был не сразу отправлен в отставку, но сначала переведен на специально созданную для него sineкуру «войскового атамана», пока фактическая власть постепенно сосредоточивалась в руках нового наказного атамана А.Л. Потапова [6. С. 109]. П.Х. Граббе, по крайней мере на бумаге, выражал «удовольствие» по поводу назначения в его распоряжение столь «опытного сотрудника» [17. С. 744]. Таким образом, А.Л. Потапов в свое первое время на Дону был хоть немного защищен от местного общества фигурой авторитетного в казачьей среде начальника. М.И. Чертков подобной защиты не имел. Кроме того, бывшего губернатора неизбежно должны были сравнивать с маститым предшественником, а более разных фигур среди донских атаманов второй половины XIX в. было трудно найти: глубокий старик, прославивший свое имя во множестве войн и походов, и неестественно молодой для своей должности человек, не слишком выделяющийся из других «ординарных» губернаторов; офицер, возведенный в графское достоинство за личные заслуги перед Российской империей, и потомок старинного рода, во многом обязанный своей карьерой родственным связям; наконец, самое имя П.Х. Граббе вызывало ассоциации с прославленными современниками, прежде всего с А.П. Ермоловым [17. С. 745], а М.И. Чертков ассоциировался в лучшем случае со своим родственником П.А. Шуваловым.

В этих условиях должность донского атамана была совсем не такой легкой, как представлялось А.Л. Потапову. По интереснейшему свидетельству В.Д. Новиц-

кого, неуспех М.И. Черткова на ней был связан не с ошибочной политикой или неудачными решениями. Именно личная непопулярность генерала достаточно быстро дошла до таких размеров, что его начинания не находили поддержки на местах, а он сам и его семья стали объектом настоящей травли со стороны казаков [4. С. 55]. На наш взгляд, существовало несколько факторов, бесповоротно сделавших М.И. Черткова не просто «чужим», но нетерпимым для местных жителей начальником, и они были связаны главным образом с его характером и личной жизнью.

Во многих текстах о М.И. Черткове, созданных его современниками и их ближайшими потомками, особое внимание уделяется жене донского атамана, Ольге Ивановне. Этот брак изначально был связан со скандалом: молодой генерал, только что назначенный воронежским губернатором, влюбился в жену местного полицмейстера и после ее развода с мужем женился на ней. По свидетельству С.Ю. Витте, даже при дворе такой брак был встречен с неодобрением [8. С. 113], а на Дону вообще ходили слухи, что атаман некогда купил свою жену у ее прошлого мужа за 200 000 руб. [12. С. 18–19]. Ситуацию усугубляло то, что О.И. Черткова по происхождению была еврейкой [8. С. 113; 12. С. 18–19]. Да и ее отношения с безусловно влюбленным в нее атаманом были далеки от традиционных представлений о нормальном браке. В частности, по сообщению А.И. Петровского, уже на Дону О.И. Черткова почти открыто сожительствовала с В.Д. Мартыновым, состоявшим при ее муже чиновником для особых поручений. Сам М.И. Чертков прекрасно об этом знал, но попытки повлиять на жену и заставить ее прекратить эту связь успехом не завершились [12. С. 18–19]. Эта история подтверждается и другими источниками, согласно которым даже скандал в собственном семействе донской атамана смог разрешить только с помощью своих влиятельных покровителей: лично П.А. Шувалов был вынужден просить Александра II перевести В.Д. Мартынова ко двору, в адъютанты цесаревича [19. С. 372–373].

Таким образом, уже само происхождение О.И. Чертковой, обстоятельства ее брака и взаимоотношения с мужем должны были вызывать серьезное неодобрение в достаточно консервативной казачьей среде. Но в анонимном письме, хранящемся в фонде Х.И. Попова, акцент делается на вмешательстве жены атамана в дела управления Донским краем, вмешательстве своеобразном, и общему процветанию не способствующем. По мнению авторов письма, «для того, чтобы получить служебное место, полк, батарею, надо было искать милого покровительства Ольги Ивановны; надо было танцевать, нравиться, интриговать, толковать дворцовые предания, гнутья, изгибаться... как это все развращено, и как это все было позорно!» [5. Ф. 55. Оп. 1. Д. 321. Л. 3 об.]. Важно отметить, что П.Х. Граббе и А.Л. Потапов в целом были чужды системе фаворитизма [6. 108–110], и поэтому его пышный расцвет на Дону в эпоху М.И. Черткова давал много возможностей критикам атамана.

В конце концов О.И. Черткова стала, по выражению современника, «ненавистна всему Дону по непопулярному, по отзыву казачества, до крайности своему направлению и характеру и по вмешательству в служебные дела мужа» [4. С. 55]. Едва ли такое отношение было в полной мере ею заслужено. Во всяком случае, С.Ю. Витте, знавший ее в Киеве, напротив, оценивал столь раздражавшую казаков женщину как «очень порядочную» и «довольно образованную». Однако он также признавал, что О.И. Черткова была весьма неординарной дамой и своими «оригинальными выходками» многих выводила из себя [8. С. 113–114]. А.А. Карасев, признавая вредное влияние на М.И. Черткова его родственников, «счел излишним упоминать», как это влияние проявилось в деятельности атамана, причем эта деятельность в целом оценивалась донским краеведом достаточно высоко [6. С. 111]. На наш взгляд, демонизация О.И. Чертковой донскими казаками произошла во многом из-за ее абсолютной чуждости консервативному донскому обществу и его традициям, следствием чего стало крайнее преувеличение ее действительно имевших место отрицательных качеств.

Ситуацию могло бы исправить формирование в донской среде позитивного образа самого атамана, однако М.И. Чертков не умел, да, по-видимому, и не слишком пытался нравиться людям. С.Ю. Витте отмечал, что генерал всегда придерживался «некоторого высокомерного тона», не изменяя ему даже перед императором [8. С. 114]. В.Д. Новицкий, принадлежавший к личному окружению М.И. Черткова, признавал, что его покровитель был горд и недоступен, замкнут и неразговорчив [4. С. 55, 60]. Об этой стороне личности атамана лучше всего свидетельствует эпизод из его дальнейшей биографии, который мы позволим себе привести. Во время пребывания на посту киевского генерал-губернатора М.И. Чертков в очередной раз стал мишенью для критики за использование служебного положения в личных целях. Он купил себе имение под Киевом и всерьез занялся его обустройством. Вероятно, серьезных нарушений генерал-губернатор не допустил, однако сама покупка породила массу слухов и привела к назначению сенатской ревизии [Там же. С. 66–68]. Именно в связи с этой ревизией М.И. Чертков покинул пост киевского генерал-губернатора [8. С. 114]. Однако, по сообщению В.Д. Новицкого, ревизия не выявила никаких злоупотреблений. Зато М.И. Чертков счел сам факт ее назначения за личное оскорбление и немедленно поругался с руководившим ею сенатором А.А. Половцовым. Не стерпев подобной обиды, генерал немедленно попросил уволить себя с занимаемой должности [4. С. 68].

Как мы видим, на простую проверку своей деятельности на посту киевского генерал-губернатора М.И. Чертков отреагировал крайне остро и не только не попытался ответить на критику и сохранить высокую должность за счет придворных связей, но и добровольно покинул ее вследствие выдуманного им самим

«оскорбления», предварительно поссорившись с ревизором. Нам представляется, что на Дону атаман демонстрировал схожее поведение. Правда, «рассорился» он не с конкретным человеком, а со всем донским обществом: к середине 1870-х гг. отношение М.И. Черткова к казакам стало откровенно негативным. По мнению В.Д. Новицкого, виноваты в этом были сами местные жители, восстановившие своими письмами против себя все семейство Чертковых [4. С. 55]. Сами авторы анонимок, разумеется, возлагали вину на атамана, не скрывавшего, что он назначает на важные должности «кого угодно, только не из донских». Они считали, что М.И. Чертков подобной политикой оскорблял все донское казачество, причем неумышленно: атаман вовсе не считал, что на Дону нет достаточно компетентных чиновников, но действовал из обычной своей «тупой несообразительности» [5. Ф. 55. Оп. 1. Д. 321. Л. 2 об.–3].

И действительно, кадровая политика М.И. Черткова была не столько казакофобской, сколько просто неудачной. Вот как характеризовал ее весьма благожелательный к атаману В.Д. Новицкий: «М.И. Чертков был почти помешан на представительстве – избрании на должности людей или богатых, или с титулованными фамилиями, что шло положительно в ущерб службы; дарованиями людей и познаниями он не дорожил; предпочитал бездарности, кои умели выставлять свою наружную представительность, с богатствами, денежными средствами, графскими или княжескими титулами» [4. С. 69]. На Дону быстро раскусили эту особенность атамана. Б.М. Калинин писал, что начальник донской артиллерии П.А. Башилов с 1870 г. начал уделять особое внимание своим лошадям, экипажу и домашней обстановке, чтобы нравиться начальнику [7. С. 200]. Однако подобные траты были по плечу далеко не всем, и даже небедные офицеры и чиновники с трудом поддерживали тот уровень роскоши, который был необходим для удовлетворения атамана [12. С. 19]. О степени этой роскоши можно судить уже по тому обстоятельству, что финансовое благосостояние самого М.И. Черткова, владевшего 26 000 десятин земли, оказалось серьезно подорвано за время его пребывания на Дону [4. С. 66].

Но в итоге казаки все равно проигрывали в отношении представительности лицам высшего света, и донской атаман, согласно оценке местной элиты, оказывался в основном окружен «кочующими генералами» и «выписанной дворцовой сволочью» [5. Ф. 55. Оп. 1. Д. 321. Л. 2], то есть «чужаками». М.И. Черткова прямо обвиняли в покровительстве «родовым и сословным привилегиям», ради которых он создал в Новочеркаске целую систему фаворитизма, выписывая со всей империи бездарных, но удовлетворяющих его требованиям администраторов и игнорируя представителей казачества [Там же. Л. 2–3]. При этом пышность и богатство атаманского двора отнюдь не воспринимались местными жителями как нечто необходимое: как мы писали выше, к числу привлекательных качеств

П.Х. Граббе и членов его семьи казачьи авторы относили любезность и простоту. А вот М.И. Чертков за свою деятельность, связанную с представительностью, характеризовался ими как «барин» [6. С. 110; 12. С. 18], при том что в Донском войске традиции «барства», т.е. помещичьей жизни, не связанной с военной службой, отсутствовали.

Не казачье окружение атамана должно было вызывать особое возмущение в традиционно закрытом донском обществе. По свидетельству В.Д. Новицкого, «казаки-донцы неохотно принимали в свою среду лиц, по происхождению не из казаков, и относились к ним враждебно» [4. С. 52]. Но, как и в Киеве, М.И. Чертков не признавал своих ошибок, не пытался убедить критиков в своей правоте, он хотел просто уйти с опостылевшей ему должности. О его страстном желании покинуть Дон писали как В.Д. Новицкий [Там же. С. 55], так и авторы анонимок [5. Ф. 55. Оп. 1. Д. 321. Л. 5]. Как и в Киеве, слухи приписывали М.И. Черткову даже то, чего он не совершал: из-за замкнутости и непопулярности атаман считался автором чужих неудачных проектов и решений, а вот эффективные действия, предпринятые с его участием, ассоциировались у казаков с другими людьми.

Причины подобного искаженного восприятия легко проследить на примере событий в донской артиллерии. Именно при М.И. Черткове была создана школа артиллерийских урядников и серьезно повышено качество подготовки донских артиллерийских офицеров, но современники связывали организацию системы правильного образования артиллеристов с личностью начальника донской артиллерии П.А. Башилова [7. С. 200–201]. На самом деле, как мы показали в одной из прошлых своих работ, проект создания школы урядников был разработан еще предшественником П.А. Башилова, Г.П. Мамаевым, при активном участии М.И. Черткова. Правила подготовки донских артиллерийских офицеров в Санкт-Петербурге вообще были изменены по решению Главного Артиллерийского Управления, вопреки позиции донских властей. П.А. Башилов отвечал только за практическую реализацию этих решений, принятых без его участия [20. С. 109–116].

Зато артиллерийский генерал, очевидно, воспринимался казаками как «свой». Летописец донской артиллерии, дослужившийся в ней до генеральских чинов, свидетель событий 1860–1870 гг. Б.М. Калинин писал, что «имя генерала Петра Александровича Башилова заняло почетное (если не самое почетное) место среди командиров донской артиллерии» [7. С. 219]. Даже очевидные ошибки П.А. Башилова описывались современниками с четким разъяснением оправдывающей их логической мотивации (в рамках нашего исследования неважно, делился ли сам артиллерист причинами своих решений с подчиненными или они придумывали их постфактум, чтобы оправдать любимого начальника). Например, в 1875 г. П.А. Башилов провел массовую закупку слишком молодых и поэтому заведомо негод-

ных к службе лошадей, но Б.М. Калинин объяснял это решение невозможностью приобрести других и надеждой на то, что в ближайший год правительство не будет требовать батарей с Дона, и за это время кони подрастут [7. С. 218–219]. А вот неудачные действия М.И. Черткова не получали в работах Б.М. Калинина никаких объяснений и позиционировались как важнейшее препятствие на пути развития донской артиллерии [Там же. С. 200–211]. Важно отметить, что этому способствовала не только непопулярность атамана, но и его закрытость. Например, как показывают архивные документы, откровенно неудачная идея создания артиллерийских классов при Новочеркасском юнкерском училище была предложена Главным Артиллерийским Управлением [5. Ф. 46. Оп. 1. Д. 911. Л. 85–89, 96–107]. Однако Б.М. Калинин даже не догадывался об этом и приписывал проект артиллерийских классов ненавистному атаману [7. С. 208]. Ничего удивительного, что в условиях, когда конкретные авторы проектов и решений не были точно известны, общественное мнение приписывало непопулярному М.И. Черткову только те из них, которые не пользовались поддержкой у казаков. Позиция самого генерала, не выпячивавшего свои заслуги, не акцентировавшего внимание на реальном авторстве спорных решений и не опровергавшего возникающие в результате слухи, только способствовала демонизации его образа.

Таким образом, крайнюю непопулярность М.И. Черткова на посту донского атамана следует связывать в первую очередь с личностными факторами: назначением на Дон вскоре после ухода авторитетного П.Х. Граббе, которому молодой генерал представлял полную противоположность; фигурой жены, О.И. Чертковой, активно вмешивавшейся в дела по управлению краем; желанием окружить себя «представительными» людьми, как правило, не казачьего происхождения, а также с замкнутостью, гордостью и бескомпромиссностью, проявлявшимися, в числе прочего, и в нежелании оправдываться за принятые решения. Проводимая им политика к этой непопулярности имела только косвенное отношение, и даже авторы анонимного письма против молодого генерала смогли привести только два конкретных обвинения, якобы указывавших на его некомпетентность: сложившуюся в Новочеркасске «систему фаворитизма» и продажу в частные руки войсковой железной дороги [5. Ф. 55. Оп. 1. Д. 321. Л. 1–5]. Однако к «непотизму», по свидетельству А.А. Карасева, были склонны вообще все донские атаманы этого периода, кроме П.Х. Граббе и, в меньшей степени, А.Л. Потапова [6. С. 108–110], а продажа железной дороги, наряду с другими предпринятыми новым атаманом мерами, позволила к концу его правления восстановить финансовое благополучие войска, сильно подорванное его предшественниками [21. Ф. 330. Оп. 61. Д. 1937. Л. 18]. На наш взгляд, в отрыве от личных качеств генерала ни одно из этих обвинений не создало бы ему такой плохой репутации в донском обществе.

Поэтому мы не будем подробно останавливаться на деятельности М.И. Черткова на посту донского атамана. Отметим лишь, что генерала, с некоторыми оговорками, можно было рассматривать как «главного проводника правительственной политики на Дону», т.е. в системе взаимоотношений военное министерство–атаман–донское казачество он занял традиционную, в отличие от П.Х. Граббе, позицию. Однако по сравнению со своими более популярными преемниками М.И. Чертков позволял себе определенные вольности [2. С. 117], эпизодически поддерживая представителей казачества в борьбе против важных правительственных решений. Например, атаман был противником так называемой конскрипционной системы службы, в соответствии с которой каждое казачье войско должно было выставять фиксированное количество строевых и льготных частей, а оставшиеся за штатом казаки полностью освобождались от призыва в обмен на уплату фиксированного налога. В конце 1860-х гг. военное министерство пыталось распространить эту систему на все казачьи войска, вопреки желанию донского казачества [22. С. 68–71]. Но когда М.И. Черткову было предложено составить отзыв о возможности введения конскрипционной системы на Дону [21. Ф. 330. Оп. 1. Д. 82. Л. 67], генерал просто проигнорировал распоряжение из Санкт-Петербурга, не дав на него ни положительного, ни отрицательного ответа. Данная тактика оказалась вполне успешной: в военном министерстве то ли забыли о poslanном на Дон документе, то ли были уверены, что по нему ведется долгосрочная работа. Кстати, атаман часто применял подобные «неортодоксальные» методы аппаратной борьбы: например, после того как имперские власти внесли не устраивающие его изменения в проект военного управления Донским войском, он затребовал уже готовый к обсуждению в Военном Совете документ в Новочеркасск для «доработки», которая так и не была завершена [23. Р. 744–752].

Разумеется, борьба вокруг введения конскрипционной системы на Дону не ограничивалась одним этим эпизодом. Бурные дискуссии вокруг нее шли с начала 1860-х гг., причем большинство донских казаков отстаивали принцип поголовного несения воинской повинности, а представители военного министерства выступали против него [16. С. 12–20; 22. С. 68–71]. Но именно при М.И. Черткове при активном участии атамана позиция донского казачества победила. О роли генерала в подготовке военной реформы на Дону в 1870-е гг. мы подробно писали в своей монографии [24. С. 120–132]. С тех пор А.А. Волвенко опубликовал отрывки из любопытной переписки М.И. Черткова с начальством, посвященной подготовке этой реформы. Еще в 1871 г. начальник Главного управления иррегулярных войск А.П. Богуславский убеждал донского атамана не забывать о возможных выгодах от распространения на Дон конскрипционной системы службы [2. С. 90]. Однако генерал продолжал стоять на прежних позициях, подчеркивая, что «коренной принцип общеобязательной для казаков службы, теперь тем бо-

лее, когда это начало предполагается установить для всей империи, должен быть удержан в своей силе» [2. С. 91].

Борьба М.И. Черткова против введения конскрипционной системы службы на Дону была тем более важна, что к началу 1870-х гг. эта система была реализована в Оренбургском, Кубанском, Терском, Сибирском, Астраханском и Забайкальском войсках. Нам представляется, что другой атаман мог бы обеспечить себе популярность в войске только за счет этой борьбы. Однако для этого следовало позиционировать себя в качестве защитника казачьих традиций и самого казачества, а также установить прямой контакт с представителями местной элиты. Именно так вели себя пользовавшиеся поддержкой среди казаков А.М. Дондуков-Корсаков [25. Р. 19–37] и Ф.Ф. Таубе [3. С. 73–109]. М.И. Чертков, напротив, противопоставлял себя казакам, разрабатывавшим проект реформы, акцентируя внимание на тех пунктах, в которых он был с ними не согласен [21. Ф. 330. Оп. 61. Д. 1937. Л. 12–19]. Остается констатировать, что, хотя донской атаман не был таким «оппозиционером», как П.Х. Граббе, элементы самостоятельности в проводимой им политике в иных условиях могли принести ему популярность в местном обществе. Однако в глазах казаков личные качества М.И. Черткова, делавшие его «чужим» и нетерпимым, имели большее значение, чем борьба с крайне непопулярной на Дону конскрипционной системой.

Заключение. Правительство высоко оценивало результаты пребывания М.И. Черткова на его посту. В связи с уходом атамана с должности Александр II послал ему высочайший рескрипт, в котором характеризовал его деятельность как «выдающуюся» [6. С. 111]. По оценке современного ученого, «за 6 лет атаманства М.И. Черткова войско Донское торжественно отпраздновало свое официальное 300-летие (1870), срочные участки земли наконец получили своих собственников (1870), были проведены судебные преобразования (1870–1873), закончена подготовка проекта по введению земского самоуправления на Дону и, главное, проведена военная реформа, утвердившая принцип всеобщности казачьей службы» [2. С. 117–118].

Но за этой картиной внешне удачного правления скрывался острейший конфликт атамана и донского общества. Он почти не нашел отражения в отечественной историографии потому, что его причины заключались не в политических и экономических проблемах, в наибольшей степени привлекавших историков казаче-

ства второй половины XIX в. Сама личность М.И. Черткова была нетерпима для донских казаков. Брак с разведенной еврейкой, влияние, оказываемое женой на решения атамана, замкнутость, гордость, высокомерие, желание окружить себя не казаками по происхождению сделали М.И. Черткова не только абсолютно «чужим», но и нетерпимым для донского общества человеком, приказы которого на местах часто не исполнялись, а семья подвергалась травле десятками анонимных писем. Он не мог рассчитывать даже на справедливость: как мы показали реальные успехи, достигнутые с участием атамана, приписывались его подчиненным, а самому М.И. Черткову оставалась незавидная участь быть в глазах местной элиты автором чужих неудачных идей и проектов. Неразговорчивый и недоступный, генерал не пытался оправдаться, вместо этого открыто стремясь уйти с постылой ему должности.

Конфликт донского общества и М.И. Черткова позволяет понять некоторые особенности донской истории XIX в. Прежде всего, они касаются взаимоотношений военного министерства, донского атамана и казачества. Очевидно, с точки зрения казаков атаман должен был быть, подобно П.Х. Граббе, защитником донских традиций, не боящимся проводить абсолютно самостоятельную политику. Но подобная трактовка категорически не устраивала военное министерство, видящее в атамане скорее «главного проводника правительственной политики на Дону», чужого для казаков (чему должна была способствовать практика назначения атаманов невойскового сословия). К таким правителям края казачество было в целом равнодушно, и его активного возмущения не вызвала политика ни «деспота» А.Л. Потапова, ни «проклятого» М.Г. Хомутова. Тем не менее даже к такому атаману местное общество выдвигало некоторый минимум требований, при несоответствии которым из категории просто «чужих» он переходил в категорию «нетерпимых». Именно это и произошло с М.И. Чертковым по указанным выше причинам: личность атамана оказалась важнее его политики, и казаки не оценили ни проведенных им реформ, ни той поддержки, которую генерал оказал идее поголовного несения воинской повинности. И человек, которого один из крупнейших донских краеведов считал имевшим «все вероятия быть выдающимся руководителем в управлении Донским краем» [6. С. 110–111] быстро ушел с должности атамана по собственному желанию, очевидно, не реализовав на ней всего своего административного потенциала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тикиджьян Р.Г. Войсковой наказной атаман, князь Н.И. Святополк-Мирский (1881–1898) // Донской временник. 1998. URL: http://donvrem.dspl.ru/Files/article/m3/0/art.aspx?art_id=97 (дата обращения: 27.02.2017).
2. Волвенко А.А. Очерки по истории донского казачества в позднимперский период (II пол. XIX – нач. XX вв.). Ростов н/Д, 2017. 226 с.
3. Корниенко Б.С. Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914). СПб., 2013. 232 с.
4. Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. М., 1991. 250 с.
5. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО).

6. Карасев А.А. Донские атаманы за последние полвека // Русский архив. 1899. Кн. 2. С. 106–116.
7. Калинин Б.М. Материал для истории Донской артиллерии. Новочеркасск, 1907. 274 с.
8. Витте С.Ю. Воспоминания. Л., 1924. Т. 3. 416 с.
9. Валуев П.А. Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. М., 1961. Т. I : 1861–1864 гг. 425 с.
10. Валуев П.А. Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. М., 1961. Т. II : 1865–1876 гг. 592 с.
11. Альманах современных русских государственных деятелей. СПб., 1897. 1250 с.
12. Петровский А.И. Опись войсковым, наказным и войсковым наказным атаманам, в разное время в города Черкасск, а затем Новочеркасск для управления Областью войска Донского от высшего начальства поставленным. (1738–1916 гг.). Новочеркасск, 1916. 40 с.
13. Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1860–1862. М., 1999. 559 с.
14. Краснов П.Н. Картины бывшего Тихого Дона. СПб., 1909. 522 с.
15. Карасев А.А. Записка князя А.М. Дондукова-Корсакова о Земле Войска Донского // Русский архив, 1896. Кн. 12. С. 569–591.
16. Волвенко А.А. Донское казачество в правительственной политике эпохи «Великих реформ» (1860–1870 гг.) // Известия Самарского центра Российской академии наук. 2014. Т. 16, № 3. С. 12–20.
17. Граббе П.Х. Записная книжка графа П. Х. Граббе. М., 1888. 750 с.
18. Peretyatko A.Y. The dark side of the Emancipation Reform of 1861 on the Don region: the history of the resettlement of one of the peasant community according the material of atamanskaya kontselyariya // Bylye Gody. 2016. Vol. 39, is. 1. P. 137–145.
19. Половцов А.А. Дневник государственного секретаря. М., 2005. Т. II : 1887–1892. 639 с.
20. Перетятко А.Ю. Военное обучение донских казаков перед русско-турецкой войной 1877–1878 гг.: создание школы урядников-артиллеристов и преобразование класса донских урядников // Юг России и сопредельные страны в войнах и военных конфликтах. Ростов н/Д, 2016. С. 109–116.
21. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).
22. Волвенко А.А. Концепция войскового (неслужилого) гражданина: замыслы и практика (1860–1870-е гг.) // Primo Aspectu. 2016. № 4 (28). С. 68–71.
23. Peretyatko A.Y. The reform of the military administration of the Don Cossacks in 1866–1874: realization of the project, which was never approved // Bylye Gody. 2016. Vol. 41, is. 3. P. 744–752.
24. Перетятко А.Ю. Военная организация и военное управление Области войска Донского во второй половине XIX века. Ростов н/Д, 2014. 236 с.
25. Volvenko A.A. Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I // Russkaya Starina. 2015. Vol. 13, is. 1. P. 19–37.

Peretyatko Artyom Y. International Network Center for Fundamental and Applied Research, (Sochi, Russia). E-mail: ArtPeretatto@yandex.ru

«WE HATE WITH THE ALL FORCE OF OUR HEARTS SLAVE TYRANNY, WHICH REIGNED IN EVERY PART OF YOUR GOVERNANCE»: ABOUT THE REASONS FOR THE UNPOPULARITY OF THE ATAMAN M.I. CHERTKOV ON THE DON.

Keywords: M.I. Chertkov; P.H. Grabbe; Don Cossacks; the ataman of the Don Cossacks; public opinion.

The figures of the Don atamans, who ruled the Don Host Oblast in the second half of the XIX century, until now attracted little attention of researchers. All of them were not Cossack origin, but the question about their relationship with the Don society remains unexplored. Meanwhile, these relationships were quite important for the history of the Don. For example, General M.I. Chertkov, the Don Ataman in 1868–1874, left the post at his own volition, because he and his family were the targets for a hail of anonymous letters from Don Cossacks. V.D. Novitsky, who was the confidant of ataman, wrote that the policy of M.I. Chertkov was ineffective, because general was very unpopular among the Cossacks. We have tried to specify what qualities of M. I. Chertkov made him so unpopular and why this experienced administrator could not realize his potential on the Don. Our research is based on archival materials of the State archive of the Rostov region (GARO) and Russian state military and historical archive (RGVIA), memoirs of the ataman's contemporaries (P.A. Valuyev, D. A. Milyutin, S. Yu. Witte, D. V. Novitsky, B. M. Kalinin, etc.) and the works of modern historians. According to the evaluation of the majority of contemporaries, M.I. Chertkov was an extraordinary person. Many memoirists emphasized the general's wife, a divorced Jewish woman, who had a great influence on her husband. This marriage was unacceptable for the conservative and xenophobic Don society, and the wife of M.I. Chertkov, O.I. Chertkova, aroused hatred among the Don Cossacks. Cossacks were negative to the rest of the ataman's entourage: M.I. Chertkov preferred the rich and titled officials, regardless of their working talents. Don officers could not stand competition with representatives of the Russian aristocracy, and, contrary to the traditions of the Don, non-Cossack officials increasingly surrounded the ataman. Finally, M.I. Chertkov was closed, arrogant and touchy. Therefore, he remained unpopular, despite some successful reforms. However, the Don society attributed these reforms to the popular companions of the ataman: for example, the reforms of the Don artillery in the early 1870 for memoirists associated with its chief P.A. Bashilov, but that does not correspond to archival documents. The authors of the anonymous letters believed that the ideal ataman was P.H. Grabbe, who failed to make significant reforms, but had outstanding personal qualities (the Cossacks remembered his kindness half a century later) and defended the traditions of the Don. We came to the conclusion that the Don Cossacks divided the non-Cossack atamans into "their", "outsider" and "intolerable". The basis for this division was not only the policy, but also the character of the atamans, and even their family life. P.H. Grabbe could become "their" for the Cossacks, and therefore the Don authors described him benevolently, despite the unsuccessful administrative activity. Other examples of "their" can be A.M. Dondukov-Korsakov and F.F. Taube. A lot of the atamans were "outsider", and the Cossacks carried out their orders without sympathy. But M.I. Chertkov became "intolerable" for the Don society, and was forced to leave the post of ataman despite the successful implementation of crucial reforms.

REFERENCES

1. Tikidzhyan, R.G. (1998) Voyskovoy nakaznoy ataman, knyaz' N.I. Svyatopolk–Mirskiy (1881–1898) [The military commander ataman, Prince N.I. Svyatopolk–Mirsky (1881–1898)]. *Donskoy vremennik*. [Online] Available from: http://donvrem.dspl.ru/Files/article/m3/0/art.aspx?art_id=97. (Accessed: 27th February 2017).
2. Volvenko, A.A. (2017) *Ocherki po istorii donsogo kazachestva v pozdneimperskiy period (II pol. XIX – nach. XX vv.)* [Essays on the history of the Don Cossacks in the late imperial period (the second half of the 19th – early 20th centuries)]. Rostov-on-Don: Rostov State Economical University.
3. Kornienko, B.S. (2013) *Pravyy Don: kazaki i ideologiya natsionalizma (1909–1914)* [The Right Don: Cossacks and the ideology of nationalism (1909–1914)]. St. Petersburg: European University in St. Petersburg.
4. Novitskiy, V.D. (1991) *Iz vospominaniy zhandarma* [From the memoirs of the gendarme]. Moscow: Moscow State University.
5. The State Archives of Rostov Region (GARO).
6. Karasev, A.A. (1899) Donskie atamany za poslednie polveka [The Don atamans over the past fifty years]. *Russkiy arkhiv*. 2. pp. 106–116.
7. Kalinin, B.M. (1907) *Material dlya istorii Donskoy artillerii* [Material for the history of the Don artillery]. Novocherkassk: [s.n.].
8. Witte, S.Yu. (1924) *Vospominaniya* [Memoirs]. Vol. 3. Leningrad: Gos. izdatel'stvo.
9. Valuev, P.A. (1961a) *Dnevnik P.A. Valueva, ministra vnutrennikh del* [Diary of P.A. Valuev, Minister of Internal Affairs]. Vol. 1. Moscow: USSR AS.
10. Valuev, P.A. (1961b) *Dnevnik P.A. Valueva, ministra vnutrennikh del* [Diary of P.A. Valuev, Minister of Internal Affairs]. Vol. 2. Moscow: USSR AS.
11. Goldberg, G.A. (1897) *Al'manakh sovremennykh russkikh gosudarstvennykh deyateley* [Almanac of Mmodern Russian Statesmen]. St. Petersburg: I. Goldberg.
12. Petrovskiy, A.I. (1916) *Opis' voyskovym, nakaznym i voyskovym nakaznym atamanam, v raznoe vremya v goroda Cherkassk, a zatem Novocherkassk dlya upravleniya Oblast'yu voyska Donskogo ot vysshego nachal'stva postavlennym. (1738–1916 gg.)* [The list of military, appointed and military-appointed atamans at various times, in the cities of Cherkassk, and then Novocherkassk for the control of the area of the Don army (1738–1916)]. Novocherkassk: Tipografiya Oblasti Voyska Donskogo.
13. Milyutin, D.A. (1999) *Vospominaniya general-fel'dmarshala grafa Dmitriya Alekseevicha Milyutina. 1860–1862* [Memories of General-Field Marshal Count Dmitry Alekseevich Milyutin. 1860–1862]. Moscow: Rossiyskiy Arkhiv.
14. Krasnov, P.N. (1909) *Kartiny bylogo Tikhogo Dona* [Pictures of the former Quiet Don]. St. Petersburg: Granitsa.
15. Karasev, A.A. (1896) *Zapiska knyazya A.M. Dondukova-Korsakova o Zemle Voyska Donskogo* [Note by Prince A.M. Dondukov-Korsakov about the Land of the Don Army]. *Russkiy arkhiv*. 12. pp. 569–591.
16. Volvenko, A.A. (2014) Donskoe kazachestvo v pravitel'svennoy politike epokhi “Velikikh reform” (1860–1870 gg.) [The Don Cossacks in the government policy during the “Great Reforms” (1860–1870)]. *Izvestiya Samarskogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk – Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 16(3). pp. 12–20.
17. Grabbe, P.Kh. (1888) *Zapishnaya knizhka grafa P. Kh. Grabbe* [Notebook of Count P.Kh. Grabbe]. Moscow: M. G. Volchaninov.
18. Peretyatko, A.Y. (2016) The dark side of the Emancipation Reform of 1861 on the Don region: The history of the resettlement of one of the peasant community according the material of Ataman Secretariat. *Bylye Gody*. 39(1). pp. 137–145. (In Russian).
19. Polovtsov, A.A. (2005) *Dnevnik gosudarstvennogo sekretarya* [Diary of the Secretary of State]. Vol. 2. Moscow: Tsentrpoligraf.
20. Peretyatko, A.Yu. (2016) Voennoe obuchenie donskikh kazakov pered russko-turetskoy voynoy 1877–1878 gg.: sozdanie shkoly uryadnikov-artilleristov i preobrazovanie klassa donskikh uryadnikov [Military training of the Don Cossacks before the Russian-Turkish war of 1877–1878: Creation of a school of artillery sergeants and the transformation of the class of Don contractors]. In: Matishov, G.G. (ed.) *Yug Rossii i sopredel'nye strany v voynakh i voennykh konfliktakh* [South of Russia and neighboring countries in wars and military conflicts]. Rostov-on Don: RAS. pp. 109–116.
21. The Russian State Military Historical Archives (RGVIA).
22. Volvenko, A.A. (2016) Kontsepsiya voyskovogo (nesluzhilogo) grazhdanina: zamysly i praktika (1860–1870-e gg.) [The concept of an army (non-serviceman) citizen: Ideas and practice (the 1860–1870s)]. *Primo Aspectu*. 4(28). pp. 68–71.
23. Peretyatko, A.Y. (2016) The reform of the military administration of the Don Cossacks in 1866–1874: realization of the project, which was never approved. *Bylye Gody*. 41(3). pp. 744–752.
24. Peretyatko, A.Yu. (2014) *Voennaya organizatsiya i voennoe upravlenie Oblasti voyska Donskogo vo vtoroy polovine XIX veka* [Military organization and military administration of the Don region in the second half of the 19th century]. Rostov-on-Don: Rostov State University.
25. Volvenko, A.A. (2015) Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I. *Russkaya Starina*. 13(1). pp. 19–37.